

Научная статья

УДК 316.4

JEL J24, J50, J83

DOI 10.25205/2542-0429-2024-24-4-207-226

Семиотика и моментный подход как новые теоретико-методологические основания изучения сферы труда (часть I теоретическая)

Вячеслав Юрьевич Комбаров

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

vkombarov@gmail.com, <https://orcid.ru/0000-0002-3223-5125>

Аннотация

В статье предлагается теоретико-методологический подход для изучения сферы промышленного труда с опорой на семиотическую модель социального пространства, коммуникации и труда. В пространстве ключевых социально-философских и социо-семиотических теорий Кристевой, Рорти и Лотмана аргументирован и исследован механизм преодоления инженерами-конструкторами и сотрудниками российских промышленных предприятий отчуждения труда, получающий толкование как процесс, задаваемый рамками повседневного языка и конституирующий внутри дискурсивных практик работников разных уровней социальной структуры промышленных предприятий. Показано, что преодоление объективного отчуждения возможно в определенные моменты, связанные с трансформацией (сдвигом) институциональных границ как языковой игры, так и соответствующих им на уровне социальных реалий взаимодействия трудовых режимов в промышленном производстве. Для этого также впервые в отечественной социологии применяется метод исследования моментов (moment analysis).

Ключевые слова

отчуждение, семиотика, практики преодоления, исследование моментов, труд, инженеры-конструкторы

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИЭОПП СО РАН 5.2.1.3 «Акторы, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика» №121040100280-1.

Для цитирования

Комбаров В. Ю. Семиотика и моментный подход как новые теоретико-методологические основания изучения сферы труда (часть I теоретическая) // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24, № 4. С. 207–226. DOI 10.25205/2542-0429-2024-24-4-207-226

© Комбаров В. Ю., 2024

Semiotics and Moment Approach as New Theoretical and Methodological Bases for the Study of the Labour Sphere (Part I Theoretical)

Vyacheslav Yu. Kombarov

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation

vkombarov@gmail.com, <https://orcid.ru/0000-0002-3223-5125>

Abstract

The article proposes a theoretical and methodological approach to the study of the sphere of industrial labour by relying on the semiotic model of social space, communication and labour. In the space of the key socio-philosophical and socio-semiotic theories of Kristeva, Rorty and Lotman the mechanism of overcoming labour alienation by design engineers and employees of Russian industrial enterprises is argued and investigated. It is interpreted as a process defined by the framework of everyday language and constituted within the discursive practices of employees at different levels of the social structure of industrial enterprises. It is shown that overcoming objective alienation is possible at certain moments associated with the transformation (shift) of the institutional boundaries of both the language game and the corresponding them at the level of social realities of interaction between labour regimes in industrial production. For this purpose, for the first time in Russian sociology, the method of research of moments (moment analysis) is used.

Keywords

alienation, semiotics, overcoming practices, moment analysis, labour, design engineers

Funding

The study was carried out within the framework of the Project of the Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS 5.2.1.3 (0260-2021-0001). No. 121040100280-1.

For citation

Kombarov V. Yu. Semiotics and moment approach as new theoretical and methodological bases for the study of the labour sphere (part I theoretical). World of Economics and Management, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 207–226. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0429-2024-24-4-207-226

Введение

Новизна работы заключается в том, что изучение семиосферы происходит, на первый взгляд, в максимально чуждом ей пространстве фабричного (ручного, физического) труда, а не привычных для исследователей дискурса сферах медийной коммуникации, литературы или рекламы. Также впервые в отечественной социологической практике использован метод исследования моментов, фиксирующий существенные изменения в восприятии и проживании нового социального опыта, вызываемого к социальному бытию речевыми и поведенческими действиями участников социальной группы в их стремлении к обратному присвоению отчуждаемых в труде эмоций и чувствах, а также возврату власти, силы и господства над трудом, как процессом производства, в котором происходит отделение капиталистической логикой эксплуатации продуктов (товаров) от своих творцов – тружеников.

Авторская методика исследования отлична от других подходов изучения труда (отчуждения) тем, что варианты преодоления отчуждения располагаются в семиотическом пространстве труда – вариантах дискурсивного определения работниками вокабуляра (словаря) для описания их профессиональной сферы и переопределения, переописания словаря с целью изменения самих трудовых практик.

Окончательный словарь, или вокабуляр – это и способ мышления, и способ действия (Рорти). Конечный словарь схож по значению с «языковыми играми» Витгенштейна, определившего их как «способ жизни». Динамизация социальных отношений, их разотчуждение происходит благодаря введению в поле языкового взаимодействия «армии метафор», высвобождающих говорящих и работающих субъектов труда из оков регуляционной логики труда.

Междисциплинарный подход в этом исследовании реализуется в виде стратегии изучения социальных практик как вида активности, укорененной в языковой, т. е. символической структуре реальности. Социальная коммуникация в труде, задействующая различные языки (семиотические системы), показана в исследовании как главный инструмент описания, познания и преобразования сферы трудовых отношений инженеров. Для описания каждой социальной задачи создается соответствующий ей терминологически «окончательный словарь». Устранение трудностей, возникающих при освоении реальности промышленного труда, осуществляется изменением словаря – революционизации говорящими субъектами системы языка.

В данной статье (первая часть) представлены теоретико-методологические основания предлагаемого междисциплинарного подхода. В следующей статье(-ях), на примере обследования инженеров предприятий ОПК России, будут приведены эмпирические референты для выдвигаемых теоретических оснований семиотического изучения сферы труда.

Переописание словарей и игра метафор у Рорти

В будущей (второй) части этой статьи мы увидим, как сопереживание инженеров и рабочих друг другу по поводу моральной и душевной боли, вызываемой отчуждением труда, является толчком к созданию новых форм солидарности, позволяющей присвоить отчужденные в труде чувства и эмоции, то есть сократить отчуждение от себя, своей сущности, личности (самоотчуждение по Марксу и Хохшильд). Солидарность становится итогом создания людьми нового словаря – знакового континуума, с которым люди или группы обращаются как средством очерчивания границ своеобразного социального опыта. Особую значимость в этих словарях имеют метафоры, которые по сути являются буйками на границах словарей, подавая сигнал о том, что происходит смещение или сдвиг способа артикулирования социальной действительности в сторону непривычных для субъектов речи и труда словарей. Социальный индивид или группа под флагом новой метафоры осуществляет дрейф в сторону новых берегов социального опыта. Набег этой языковой волны на берег может сокрушить искусственно возведенные барьеры между социальными стратами, группами, классами. Набег языковой волны

на социальное деконструирует его. В геологии трансгрессия понимается как наступление моря на сушу, или повышение уровня моря [1]. В семиотике Кристева аналогичным образом интерпретирует фонтанирующий язык текстов Достоевского как волновой напор изливающегося эроса [2]. Давайте не забывать, что труд является сублимацией Эроса, или либидо, инстинктов, человеческой сексуальности – основы жизни и творческой социальной силы [3]. Итак, метафоры смещают социальную оптику и фокусируют в себе новые идеи и способы социального действия. Гениальность отдельных личностей, по мнению Рорти, состоит в том, что они могут почувствовать тектонические сдвиги в социальном, уловить новые значимые в контексте социальных изменений смыслы и выразить их с помощью метафоричного языка, являющегося по сути поэтическим, то есть во многом символичным. Эти великие люди, полагает он, являются авангардом человечества, направляющими развитие социальных изменений, а не внешние исторические законы.

Таким образом, черта между слабостью и силой (отчужденным и разотчужденным бытием) проходит между использованием привычного, всеобщего повседневного языка и порождением непривычного языка, экстраординарного. Стоит отметить, что создание нового словаря и метафор – это процесс не безболезненный и не беспроблемный, так как насущная реальность не предоставляет творцам нового опыта адекватных ему слов и выражений. Чтобы создать новую картину реальности, работник должен произвести свой собственный мир. Имажинировать его. Однако в качестве инструментов он волен пользоваться словами, которые уже употреблялись до него, и сюжетами, которые воспроизводились ранее. Так, даже сильные субъекты речи воспроизводят себя во многом как следы или отпечатки уже сказанного – становятся социальными репликами и копиями. Поэтизируя «маленького человека», Рорти приписывает ему власть отменять или переписывать свое прошлое, а настоящее время делать случайным – таков итог языковой игры. В какие формы совместного творчества в труде выливается эта практика конструирования социальных отношений на базе новых языковых значений, мы увидим в следующей, эмпирической части.

Новое чувство «мы» проходит две фазы формирования: новая солидарность зарождается в тот момент, когда в дискурсивном (речевом) пространстве взаимодействия субъектами труда (инженерами и рабочими) начинает разыгрываться игра метафор, которые задают ироничный тон переописания социальной ситуации – маркируют ее, например флажком «п...ц» («песец»). Ироничная насмешка ставит под сомнение серьезность трудовых нормативов, правил, ограничений; смещает стиль рабочих отношений, вводя в социальное общение элементы смеховой, карнавальная культуры. Рамки теряют свою силу перед лицом той боли, которая экстерииоризируется в языковой игре в новую социальную силу – солидарность трудящихся. Подчинив труд новым определениям, работники революционизируют процесс труда – подчиняют его своему мышлению, речи, воображению и практическому действию, возвращают отчужденные эмоции и осколки отнятой самости. Так, язык становится практическим инструментом снятия отчуждения в пространстве труда; возвращает работников к полноте социального бытия, вклеивает в него выпавшие осколки отчужденного опыта. Солидаризация вокруг

источника боли является проявлением личного осознания жестокости, разлитой как в обществе вообще, так и в системе эксплуатации в частности. Рорти говорит, что источником понимания того, как должна быть устроена новая социальная солидарность, создающаяся вокруг восприятия недопустимости своей и чужой боли, является литература, текст. Поэтому он обращается к Набокову, Оруэллу, Диккенсу и другим, чтобы показать два основных вида текстов, которые помогают нам быть менее жестокими: 1) показывающие институциональную жестокость и насилие, 2) отсылающие к генезису личного насилия и причинам повседневной жестокости. Примерами индивидуальной жестокости, на которые указывает Набоков, служат не исторические личности типа Сталина или Ленина, а обычные, встречающиеся в повседневной жизни подонки. Идентифицируя себя, по мысли Рорти, с персонажами, совершающими или испытывающими жестокость, мы можем спроецировать эти техники причинения боли на свой опыт. Этот тип рефлексии ироника — создателя метафор и подвергающего насущный социальный порядок ревизии пересмотру, сомнению — нацелен на «создание нового публичного конечного словаря... словарь должен ответить на вопросы: «Чем я буду?», «Чем я могу стать?», «Чем я был»?... «На какого рода людей я должен обратить внимание?» [4, с. 183]. Примером может служить окончание романа Набокова «Приглашение на казнь», в котором смерть героя показана в неожиданном ключе через смещение стилистики, сдвигающей привычные модели восприятия страдания. Примечательно, что один из информантов этого социологического исследования довольно подробно рассказывал о своем опыте чтения книг Достоевского, в частности «Идиота», и о своем отношении к этой великой работе писателя.

Еще один интересный ход Рорти — дело не только в личной восприимчивости человека (читателя) к боли — эмпатии, но и эстетическая чувствительность к самому слову, говоря языком Рорти — метафоре, которая является знаком социального страдания и боли. Предложение доработать: не раскрыта мысль, в чем состоит интересный ход, вторая часть не согласована с первой: дело не только в том, но и в ... (чем именно) — нет согласования внутри придаточного предложения. Помимо опоры на новаторский язык Набокова, Рорти приводит как пример книгу Диккенса «Холодный дом», в которой вся униженность положения и моральные страдания представителей социально незащищенных слоев общества передается не столько через морализаторство и обличение существующих нравов, сколько через меткое использование метафор. Так, несправедливый суд над униженными и оскорбленными вершится в суде — доме, постоянно *окруженном холодным, непроницаемым лондонским туманом*. Только один этот художественный прием заставляет нас почувствовать отвращение к этому месту и почти телесно ощутить влияние этих миазмов. Набоков, говорит Рорти, поздравляет Диккенса с тем, что тот оказался великим художником, а не морализатором. *Здесь мы видим превосходство эстетической детали над общим замыслом*. Эти поэтизированные нуарные детали, символы социального отчуждения и цинизма Набоков называет «маргиналиями духа». Эти маргиналии духа становятся стилистическими импульсами к изменениям в жизненных словарях у Рорти.

Чувствительность к душевной боли и страданию других отличает сильных личностей — ироников, способных создавать новые словари и наиболее мощные

внутри них места – метафоры – и заражать ими свое окружение. Новым типом солидарности в ироническую эпоху, которая является для Рорти наиболее удовлетворительной с точки зрения социальной организации общества, является та, которая зиждется на утвердительном ответе на вопрос «Страдаете ли вы?» Эта солидарность, являясь звуковой по сути, вызывает в речи новые формы социального. Трудовые практики показаны в моей работе как стремление к автономизации в труде, как те, которые дают нам шанс быть менее жестокими, то есть преодолевать социальное отчуждение – присваивать отнятые рабочей рутинной части эмоционального, интеллектуального и физического опыта.

Несмотря на то что профессиональные группы работников довольно автономны в системе промышленного производства, в моменты языковой и практической трансгрессии различительные знаки из принадлежности к «подклассам» в иерархии трудовых профессий стираются, «верхние» и «нижние» ранги уравниваются между собой, творческое инженерное и рутинное исполнительное рабочее начала меняются местами, смешиваются – инженеры приобщаются к ручному *праксису*, а рабочие создают новый продукт труда при помощи полета своего творческого воображения – *поззиса*. В такие моменты социальное отчуждение работников друг от друга упраздняется, каждый из них становится другом, союзником, сотрудником, братом для другого. Происходит возвращение к себе каждого из них, возвращение своей человеческой сущности, как писал молодой Маркс в своих парижских рукописях 1844 г., представляя неотчужденный труд как пространство неподконтрольной внешнему принуждению добровольной активности, похожей на игру.

«Единственное требование, которое может иметь значение, — это необходимость самореализации и творчества, которые позволяют человеку быть тем, что он есть, без оглядки на диктат прошлого или претензии настоящего. Путь достижения этой цели совпадает с процессом создания нового словаря, формируя который, мы одновременно с новыми метафорами выстраиваем себя как новое неповторимое сочетание верований и желаний. По сути дела быть собой, быть уникально особенным, означает быть поэтом, т.е. ценить свободу метафоры превыше истины, воспроизводить жизнь не такой, какой она была, а такой, какой ты хочешь ее видеть. Реализация такой свободы возможна только при осознании принципиальной случайности своего словаря, сознания, жизни» [4].

Семиотический скачок у Кристевой

Юлия Кристева относится к числу тех мыслителей современности, чье научное творчество и общественная значимость располагаются на пересечении многих дисциплин. Проблематизация социального через его связь с языковой, дискурсивной, речевой реальностью стала следствием переноса ее восточно-славянской идентичности, связанной во многом с литературоцентричностью русской культуры, в контекст революционных событий мая 1968-го года во Франции – бунта парижской молодежи, студенчества, рабочих, интеллигенции, да и самой мелкой буржуазии, вылившегося в системный кризис власти и приведшего к смене правительства, отставке президента Шарля де Голля и реорганизации Париж-

ского университета. Эмигрировав из Болгарии во Францию, Крестева обогатила интеллектуальную элиту Парижа лучшими на тот момент разработками в теории языка и литературы, имеющими свои основания в русской классике, прежде всего в Ф. М. Достоевском.

Исследования Михаила Бахтина о полифонической структуре романов Достоевского, как и сам гений Федора Михайловича, стали для Юлии Крестевой знаками ее успешной и плодотворной научной карьеры. По сей день, являясь одним из всемирно признанных величайших мыслителей современности, Крестева обращается в своих работах к творчеству Достоевского и Бахтина. Она полагает, что роль языка в человеческой психике и общественной жизни до сих пор до конца не раскрыта. Впрочем, его основная функция известна – революционизировать человеческий опыт, делать социальную реальность подвижной и преобразующейся. Текст и язык продуктивны именно потому, что являются орудиями субъекта, движимого инстинктом социальных трансформаций. Язык, дискурс, речь – пространство сражения субъекта за его свободу, место реализации его воли в непрекращающемся процессе самостановления.

Способы позиционирования субъектом себя в языке являются видимыми знаками социальных коллизий актуальной современности. Место языковой репрезентации социального в дискурсе называется Крестевой сценой. На этой сцене разыгрывается сценарий вытесненного в личное бессознательное или социальное коллективное бессознательное конфликта. Конфликт – это и болезнь души, и болезнь общества. Как любое другое заболевание, душевная и социальная патология обнаруживают себя в симптоме. Сцена (речь, текст, язык) — это и есть симптом.

Субъект речи – это действующий индивид, который занят **переносом и перераспределением энергии импульсов в языке**. Субъект осциллирует (трепыхается, колыхается) на этой линии производства языковой энергии, проходящей между генотекстом и фенотекстом. Субстратом **генотекста** являются «доязыковые» гермы – семена будущих оформленных в языке и общественно-политическом поле структуры [5]. К генотексту в данной статье мы вслед за Крестевой относим все языковые явления, находящиеся на доструктурном уровне языка, за пределами его конвенциональных вариантов использования, неподцензурных дозволенному словоупотреблению. Это глубина любого дискурса, нырнуть в которую может только оперирующий языковыми знаками субъект высказывания. Объективированная, овеществленная в социальном взаимодействии тонкая и едва уловимая, постоянно колеблющаяся природа языка оформляется по Крестевой в том, что она называет **фенотекстом**. Таким образом, в этой подвижной игре двух уровней мы обнаруживаем явления жизни, которые весьма условно можно назвать глубинной и поверхностной структурой. Они «...дают начало инстинктуальным диадам; социальному целому и системам родства; обуславливают матрицы высказывания, предшествуют дискурсивным ‘жанрам’, психическим структурам или различным типам организации участников речевого события. Генотекст охватывает все семиотические процессы, рассредоточенные импульсы, те разрывы, которые они образуют в теле, в экологической и социальной системе, окружающей организм (**предметную среду, доэдиповские отношения с родителями**), но также и возникновение символического» [6].

Хотелось бы добавить к мысли Кристевой, что генотекст – это та часть речи говорящего субъекта, которая являет пример наиболее тактильного способа его взаимодействия с материальной, то есть реальной действительностью жизни – при помощи генотекста он проговаривает свой опыт материальной (реальной) жизни как бы на ощупь, непосредственно переводя его в не до конца рефлекслируемые мысленно, но чисто рефлекторные акты речевой разрядки, служащие способом инстинктивного снятия психического напряжения. Таковы все общенные выражения, которые служат содержанием ругани, брани, ссоры, и эхалалии – неконтролируемые повторения слов и звуков, иногда в моменты сильного душевного подъема. Сюда же можно отнести опыт словесного восхищения или восторга при виде чего-то невероятного, прекрасного, удивительного. Обращает на себя факт, повторяющийся в большинстве интервью – для всех инженеров важен опыт соприкосновения с материальной стороной их труда, являющегося дополнением к их интеллектуальной деятельности. С этим связано их посещение рабочего цеха на заводе и даже совместная работа с токарями, фрезеровщиками, в общем, работниками цеха, по производству спроектированных ими до этого деталей и изделий. Вероятно, такой вид смены деятельности и переключения их внимания и опыта в пространство чисто физического труда является способом компенсации того психологического напряжения, связанного с конвейерным «поток» проекторочных заданий и обездвиженности, которое они испытывают в «стерильном, комфортном», но во многом рутинном и однообразном умственном труде в «офисе». Совместная работа с рабочими в цеху приводит некоторых из них в состояние восторга. Вместе с тем это «братание» с рабочими тоже носит временный характер и является преодолением перегородки социальной страты, граница которой проходит между интеллектуальным офисом (конструкторским бюро) и «шумным, грязным» цехом, как говорят сами информанты. Разрыв между цехом и офисом – это та часть разорванного социального пространства, которая штопается, сращивается в языковых практиках инженеров и рабочих. Впрочем, это преодоление социального отчуждения тоже носит временный характер, так как фундаментальный межклассовый конфликт в системе производства, имеющий свое выражение в разделении труда на умственный и физический, не устраняется. Он приостанавливается.

Фенотекст располагается в более формализованной части человеческого опыта говорения, воплощает собой все многообразие правил и ограничений социального и политического плана. Эти преграды «... останавливают означивающий процесс в том или ином месте, которое он пересекает; они связывают и замыкают его на той или иной поверхности или структуре; они блокируют практику посредством фиксированных, фрагментарных, символических матриц; последствия разнообразных социальных принуждений препятствуют бесконечности процесса; фенотекст и есть результат этой остановки» [6].

Значительная часть человеческой речи, социального опыта и текстов культуры являет собой пример застывшей фенотекстуальной массы. Однако ее статичность непостоянна и потенциально может быть снова приведена в движение, стать процессуальной, став точкой приложения действий субъекта, способного своей речью зарядить энергией импульсов отдельных сильных, нетипичных, неконвен-

циональных слов и выражений процесс семиозиса – репрезентации реальности в дискурсе, в символическом пространстве языка.

Становится понятно, что анализ языка предполагает подъем к герму, к которому устремлены субъект и его смыслы. Субъект речи не только порождает варианты дискурсивных практик, которые впоследствии станут фенотекстом, но вынужден сначала исследовать то, что предшествует сигнификации, означиванию. Он «нащупывает» гермы почти тактильно и артикулирует их в деструктурном формате языка. В эмпирической части данного исследования на конкретных примерах изучаемого дискурса инженеров показывается, при помощи каких слов и метафор это происходит.

Так, в семиотике труда речь – это знак, а функция речи заключается в желании сказать, т. е. наделить объекты и процессы труда смыслом, который, будучи соотнесен с грамматической нормой, является знанием о конкретной ситуации в системе трудовых отношений. Любая речь, какой бы максимально формализованной она ни была, стремится, тем не менее, сказать о чем-то более существенном, залегающем под сетью будничного языка. Деконструирующей энергией импульса обладает поэтический язык, который Кристева называет революционным, т. е. обладающим силой подрывать привычный строй обыденного (профанированного) языка. Тип такой речевой практики субъекта она называет *красным бунтарским повествованием*. В этом моменте мысли Кристева сближается в ее понимании процессуальности языка с вышеописанной концепцией переописания словарей у Рорти. Если у Рорти действующим социальным субъектом выступает ироник, то у Кристевой его аналогом выступает поэт. Ироник и поэт образуют таким образом творческую диадку в современной критической постмодернистской и постструктуралистской мысли, банду, использующую стилистические возможности и силу языка для трансформации социальной реальности. Так же как ироник у Рорти, поэт у Кристевой использует сильные метафоры, заставляющие язык совершить скачок, прыжок в красное бунтарское повествование. Логика трангрессии в языке и инструментальных практиках труда есть движение субъекта по этой линии разрыва. Кристева вдохновляется литературным гением проклятых поэтов – Рембо и Малларме, вводящих в привычный строй языка невероятно сильные метафоры красного, горящего языка, под воздействием детонирующей силы которых язык начинает вибрировать и пылать. Поэзия Малларме и Рембо символична. Так же как символичен язык Набокова, к которому апеллирует в своих поисках символических способностей текста Рорти.

В данном исследовании утверждается, что примеры символического языка инженеров промышленных предприятий, который исследуется в данной работе, также являются примерами поэтического и ироничного языка. В следующей статье (эмпирической) мы увидим, как субъекты труда поэтизируют свою профессию, свой опыт и в целом социальную ситуацию в системе трудовых отношений, прибегая к использованию как метафоричных выражений, переопределяющих вокабуляр описания их труда, так и глубинных герм своего языкового словаря, чтобы сдвинуть практики общения в труде в определенном направлении, сообщая им силу энергии слова. Сила слова, сообщаемого дискурсу, переходит через практику общения в инструментальную трудовую практику. Решение конкретных трудовых

задач, связанных с созданием продуктов труда и ремонтом обветшавшего оборудования, зарождается в решениях о выборе чисто языковых стратегий. В основе этих стратегий субъекта лежит поиск нужных означающих – знаков (слов, выражений), релевантных социальной ситуации.

Эту деятельность субъекта труда, вслед за Кристевой, в данной работе называем сигнификацией (означиванием). Она «... связана с дифференциацией, стратификацией и сопоставлением, которая практикуется в языке и располагает на пути говорящего субъекта цепь коммуникативно и грамматически структурированных означающих» [7, с. 10].

Карнавал и мениппей. Попад раз и навсегда под очарование дискурса Достоевского и разработок Бахтина по анализу творчества этого русского писателя, Кристева вводит в свой научный опыт понятия полифонического текста, карнавала и мениппей. Это важный и для данного исследования момент, так как преодоление отчуждения в этой работе изучается как происходящее в моментах коллективного трансгрессивного нарушения норм и правил привычной трудовой этики, которые сопровождаются коллективной трансгрессией привычного/приличного языка. Бахтин был одним из первых, кто ввел в научный оборот понятие динамического текста. До этого русские формалисты и западные структуралисты изучали текст как статическую, замкнутую, самодостаточную систему. Диалогичность мышления героев Достоевского переносится Бахтиным и Кристевой в практику изучения истории и общества, где каждый голос не противопоставляется другим голосам, функционирующим в режиме обмена противоположными мнениями, а сливается в амбивалентную реальность, называемую полилогом – каждый голос дополняет другие, преломляется в них, взаимная цитация двух голосов порождает апелляцию к третьему и так далее. Кристева соглашается с Бахтиным в том, что статус слова у героев Достоевского амбивалентен – точных окончательных ответов на «проклятые вопросы» русской литературы в изречениях своих персонажей Достоевский нам не дает, смысл постигается на пересечениях дискурсов, смыслы амальгамируют один в другом. Этот выход за пределы формальных бинарных оппозиций Бахтин именует карнавалом. Эту идею позже подхватит Деррида и переименует карнавал в деконструкцию [8]. Кристева определяет социальную функцию карнавальской логики языка как революционную: «Карнавальский дискурс нарушает законы языка, ограничиваемого грамматикой и семантикой, и благодаря этому становится социальным и политическим протестом: речь идет не об эквивалентности, но об идентичности протестов против официального лингвистического кода и официального закона» [7, с. 73]. Слово в этой логике выступает медиатором, сцепляющим лингвистическую структуру речи с социальным контекстом и окружением говорящего субъекта. Карнавальский язык динамизирует социальное и политическое¹.

Важно понять, что карнавализация является прежде всего практикой выхода языка за свои собственные пределы. В связи с этим преодолением внешних язы-

¹ В отличие от многих европейских авторов и ученых, использующих понятие бахтинского карнавала, понятие карнавала у Кристевой имеет более серьезный статус – это не просто место всеобщего смеха, юмора или беспечного хохота (по аналогии с телевизионными ток-шоу), но социальное действие, парадоксальным образом имеющее своей целью трезвление – осознание сущностных источников социальных проблем, страдания и намечающихся перемен.

ковых границ логично говорить об отчуждении субъекта речи от самого языка, с одной стороны. С другой стороны, сам язык в речи субъекта претерпевает отстранение – отделение от себя самого.

Итак, текст (речь), создаваемый субъектом, – это сцена, где разыгрываются политические и социальные переустройства. Речь субъекта труда – это симптом. Означающие в речи в виде конкретных слов и выражений являются индикаторами – знаками – разных видов отчуждения в труде и вариантов его преодоления в виде интеллектуальных и реальных практик работников промышленных предприятий.

Крестева не ограничивается концептом карнавала и подводит нас к еще более радикальному жанру – мениппее, которая представляет собой «... неосознаваемую экстериоризацию лингвистических структур на их различных уровнях» [Там же, с. 74]. Будучи политически активной дамой, Крестева, прежде всего, заинтересована в изучении экстериоризации лингвистических структур на уровне социального и политического действия. Мениппея как жанр социальной драмы оказывается хорошо применимой для анализа структур господства и подчинения. Проявляясь в привычном иерархизированном социальном пространстве как уравнивающий и переворачивающий принцип, мениппея меняет местами верх и низ в социальной иерархии, освобождает субъектов действия от исторической определенности, ценностной систематизации, дихотомии порока и добродетели; она символична и фантасмагорична. В момент мениппеи язык увеличивает свой масштаб свободы самовыражения. Мениппея теснит тотальность смысла. Включает в себя мечты, сновидения, фантазии, безумие. Иногда ее язык скандален и эксцентричен. Ее характеризуют нарушение этикета и слово, сказанное некстати. Этот жанр полистиличен, разворачивающая в ней коммуникация – диалогична: «Мениппея состоит из контрастов: добродетельная гетера, великодушный разбойник, мудрец – одновременно свободный и раб. ... это своего рода политический журнализм эпохи. **Ее дискурс экстериоризирует текущие политические и идеологические конфликты**» [7, с. 91]. В следующей эмпирической статье будет отражено, как коллаборация в совместном творческом труде инженеров и рабочих цеха, а также общение инженеров и руководителей представляют пример типичной мениппеи, экстериоризирующей язык трудовых отношений в практиках труда, внутри которых происходит временное снятие отчуждения.

Точка зрения автора данного исследования на роль мениппеи в преодолении отчуждения технического труда совпадает с мнением Крестевой: «При отчуждении человека от природы и общества произошло его отчуждение от себя самого, и он обнаружил свое «внутреннее» и «реифицировал» это открытие в амбивалентности мениппеи» [7, с. 92]. Мениппея в труде проявляется в смещении, амбивалентности и переворачивании знаков труда в речи, одежде, практиках и т. д. Под «внутренним» Крестева, безусловно, понимает вполне по-марксистски неотчуждаемую внутреннюю положительную природу человека, его сущность. Под «реификацией» понимается объективация, делание видимым или овеществленным какой-либо мысли, внутреннего явления или процесса человеческого сознания.

Мениппея как относительно нерегулярная практика проявляется в социальном в виде отдельных моментов опыта. В эти моменты происходит снятие социальных противоречий – преодоление отчуждения. Весь остальной «поток труда» как регулярная практика является вместилищем отчужденных форм трудовой деятельности инженеров. Поэтому с уверенностью можно сказать, что наиболее релевантным социологическим методом для изучения трансгрессии, мениппеи и переопределения словарей промышленного труда является качественный метод изучения моментов – *moments approach*, о котором речь пойдет во второй главе.

Перекодировка значений социального у Лотмана

Юрий Михайлович Лотман, один из последних русских интеллигентов и интеллектуалов советской эпохи, был одним из немногих, кто охранял форпост отечественной гуманитаристики от атак научного коммунизма. Во многом, разрабатывая свои оригинальные научные концепты, Лотман сходитя в основных положениях своей семиотики с обсуждавшимися выше подходами Рорти и Кристевой. Также, являясь наследником русского формализма как школы, которая во многом определила развитие структурализма в философской и социологической мысли Запада, а также структурной лингвистики, Лотман, тем не менее, не имел достаточных возможностей для экспликации своих научных разработок в социальных и политических полях, которыми в условиях западных демократических систем мысли воспользовались Кристева и Рорти. Русская философская, литературная и научная мысль демократизировали западные общества посредством этих двух голосов-глашатаев своей эпохи, при этом не имея возможности воплотиться в виде научного дискурса в советской системе. По идеологическим причинам критика советского общества была невозможна. Критика советской системы социальных отношений была табуирована в рамках гуманитарных наук, которые фактически были уничтожены и являли собой слабое отражение господствующей идеологии марксизма-ленинизма (философия, история, литературоведение, психология). Семиотика как ложная западная дисциплина была замкнута в рамки изучения прежде всего литературы. Выход в сферу политического и социального ей был закрыт. Это проявлялось и в объективном вытеснении семиотического научного проекта буквально на периферию советской территории – в самый западный угол страны – Эстонию. Именно в тартуском университете Лотман собирал вокруг себя немногочисленную группу единомышленников и студентов. Давление научного официоза неоднократно накрывало участников семиотических семинаров – отменялись лекции, переносились конференции, запрещались поездки за границу. Этот прессинг привел в итоге к инфарктам, которые серьезно подточили его здоровье.

Обращение в данном исследовании к научному корпусу Лотмана является, с одной стороны, попыткой отдать дань его титаническим усилиям по поддержанию научной гуманитарной культуры в стране в советский период, а с другой стороны, выступает посильным развитием его семиотических прозрений в рамках социологической научной практики.

Социологический мотив переустройства социального под влиянием перекодировки значений языка как семиотической системы фокусируется в рамках его теории как проблема отношений между языком и внешним для языка миром. Операции инженеров по манипулированию языком создают «план выражения» как текстуальное полотно высказывания, обволакивающее внутренне содержание смыслов – «план содержания» – то, о чем говорится или подразумевается как суть социальных отношений. В данной работе под семиотической системой понимается язык, на котором говорят инженеры предприятий, особенный тип дискурса, который производится ими в речи в контексте социальных отношений по поводу производства результатов труда внутри промышленного производства. Речевые семиотические практики инвестируют в мир реального предметного труда значения, динамизирующие формы социального общения инженеров между собой и с работниками ручного труда в цеху, а также с начальством.

Отношение между семиотической системой языка и миром, лежащим за ее пределами (реальной практикой труда в данном исследовании), актуализирует, по мысли Лотмана, фундаментальную научную проблему отношения статичности к динамике. Отличительной чертой подхода Юрия Михайловича является его утверждение о том, что выразить внеязыковую реальность (труда) при помощи лишь одного языка невозможно, для этого должны существовать как минимум два языка, при этом увеличение количества языков, выражающих одну и ту же внеязыковую реальность, не гарантирует более адекватного и полного результата этого выражения. Эта неполнота или нехватка является условием постоянной коммуникации между несколькими языками, пытающимися в этой коммуникации восполнить недостаточность средств для полного выражения социальной действительности. «Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость другого (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальной модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир» [9, с. 9]. Выражением коммуникации между разными группами работников промышленных предприятий как попыток согласовать и подстроить один под другой языки, на которых говорят инженеры конструкторских бюро и работники цеха, выступает в данном исследовании как языковые практики, в которых проявляется намерение сблизить словари трудовых ситуаций отчуждения в попытках работников его преодолеть. Преодоление отчуждения труда становится возможным благодаря коммуникации между инженерами и рабочими не просто потому, что они договариваются о совместных действиях используя один язык, а именно благодаря самой попытке сблизить языки, вводя в пространство их взаимодействия новые термины – метафоры, аллегории, знаки, динамизируя таким образом оба языка. Это взаимодействие между двумя языками становится возможным благодаря намерениям субъектов речи – работников промышленных предприятий. Введение новых трудовых практик в опыт промышленного труда обеих этих групп работников является итогом революции языкового пространства. Динамизация дискурса происходит при помощи перемещения энергетических импульсов в семиотической системе языка,

которым пользуются работники. Вслед за дискурсом меняются практики. Инженеры нуждаются в «другом» – работников цеха, чтобы преодолеть отчуждение от процесса труда, от себя и от других. Связующим звеном с «другим» является новый язык, способный объединить во многих местах не сходящиеся языки инженеров и рабочих цеха. Итог обоюдной подстройки двух языков является непредсказуемым, а сам момент создания новых значений языка, назовем его третьим, видится Лотману как взрыв. Новые метафоры, аллегории, фразы, выражения, да и просто слова, являются осколками, которые, по его представлениям, разлетаются в пространстве коммуникации и социальной реальности, преобразуя их, делая подвижными: «Многие из систем сталкиваются с другими и на лету меняют свой облик и свои орбиты. Семиологическое пространство заполнено свободно передвигающимися обломками различных структур, которые, однако, устойчиво хранят в себе память о целом и, попадая в чужие пространства, могут вдруг бурно реставрироваться» [9, с. 160].

В этой точке сходятся новаторские идеи Рорти, Кристевой и Лотмана о функциях семиотических систем по преобразованию социального. Используя разную терминологию, они говорят об одном и том же процессе социальной трансформации: переописание социальным субъектом своего настоящего и своей истории через изменение вокабуляра посредством введения в него армии слов-метафор из других словарей (Рорти); осуществление скачка, сдвига в способе означивания действительности в речи через привнесение в нее символов с новым значением, выражающегося в стремлении субъекта революционизировать социальные отношения (Кристева); переход от статики в языке и обществе к динамике и перелому в социальных отношениях запускается моментом взрыва в языке (Лотман).

У Кристевой и Рорти трансформация социального связана со способностью субъекта поэтизировать язык, через смещение стилей и эстетики повествования создавать новые виды эмоционального опыта, представляющего по сути виды социальной рефлексии. Лотман этот процесс семиозиса называет более привычным для отечественного читателя словом «культура». Я думаю, что в рамках данного исследования мы можем говорить о культуре труда или о поэтизации (стилизации, эстетизации) языка работников промышленных предприятий. Под поэтической деятельностью в языке я понимаю вслед за Гумбольдтом не художественное обрамление речи, а важнейшую функцию языка перемещать энергию внутри социального пространства – в общественной жизни. В последующей эмпирической статье будут показаны примеры того, какие варианты нового словообразования используют инженеры, а также какими общими с работниками цеха метафорами они пользуются в контексте создания новых трудовых практик, реализуя которые, они испытывают новый опыт труда, связанный с преодолением отчуждения.

Исследование моментов (сдвига в языковой игре и практиках труда)

В данном исследовании впервые в российской практике использован новый метод качественного анализа в социологии – *исследование моментов / анализ моментов или моментный подход – moments approach*. В контексте данного подхода

социолог изучает короткие отрезки времени для того, чтобы понять «здесь и сейчас» социальных явлений и процессов. Насыщенность этих моментов социологическим содержанием и смыслами, их интенсивность позволяет воспринимать их как отражение характера определенных социальных отношений в целом. С точки зрения авторов и первооткрывателей данного метода, онтологический общественный статус этих моментов в обществе выше, чем у более продолжительных и протяженных в социальном времени и пространстве рутинизированных отрезков социальной жизни, располагающихся между этими моментами. В контексте определенных социальных практик и ситуаций человеческое существование становится в полном смысле слова социальным только через проживание этих редких моментов, распахивающих для них двери в мир социального взаимодействия. По сути, этот анализ применяется для изучения тех редких моментов, когда социальные субъекты преодолевают социальное отчуждение, в котором они пребывают значительную или даже большую часть своего (а)социального опыта.

В частности, этот метод хорошо работает в случае с исследованиями пациентов с деменцией и супружескими парами. В первом случае наиболее значительная часть социального опыта пациента располагается в пространстве социальной изоляции – дома или больницы. Эта наиболее продолжительная по длительности сторона жизни человека является для него тем, что им не осознается и во многих отношениях не подвергается личному контролю и управлению. Он сам является объектом манипуляции тех, кто реализует в отношении него практики лечения, помощи, ухода или поддержки. Он отчужден от себя и социального бытия. Напротив, пребывать в моменте – *being in the moment* – означает входить, как правило, в непродолжительный по длительности отрезок времени, в течение которого к пациенту возвращается память, и он становится способным к восстановлению знания о самом себе, своей жизненной истории и навыков коммуникации с близкими родственниками или медицинским персоналом [10]. Такой моментальный опыт в одночасье отрицает предшествующий ему продолжительный опыт социального беспамятства и изоляции, сообщая человеку смысл его существования и наполняя его многоплановыми – мультисенсорными – переживаниями: душевными, телесными, чувственными, тактильными и т. д. В эти редкие моменты человек заново переживает радость встречи, узнавания, совместной деятельности, общения, игры, обмена объятиями. Ему открывается смысл жизни. Телу сообщается прилив энергии. Триггерами к созданию «быть в моменте» могут служить внезапные звуки, изменение климата или погоды (проникновение солнечного луча в комнату, колыхание занавесок), музыка или запахи, пробуждающие в глубокой памяти воспоминания о людях и событиях в жизни (эффект печенья «маленькая Мадлен» («мадленка») у Марселя Пруста; рисунок на ведерке из детства у Набокова).

В ситуации с супругами или любовниками моменты работают как узловые точки, связывающие автономизированных социальных индивидов в отношения или регулярный союз [11]. Будь то супруги, живущие вместе, или любовники, поддерживающие свои отношения на расстоянии, значительную часть своего социального времени они проводят в разлуке, обусловленной либо временем труда, либо пространственным фактором. Моряки, военные и их жены, а также супруги или любовники, вынужденные жить в разных странах, поддерживают образ сво-

их любовных отношений посредством воссоздания в памяти тех редких, но чрезвычайно интеллектуально и чувственно насыщенных моментов, через которые они ощущают свое единство и социальную связь. Все остальное время они пребывают в разлуке и мыслях о любимом человеке, предвосхищают новый момент встречи, и он рано или поздно наступает, компенсируя долгие недели, месяцы или даже годы ожидания новой встречи:

«Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой» [12].

Если отношения людей имеют характер принуждения или взаимной неприязни, то наоборот, самыми счастливыми моментами в отношениях взаимно чуждых друг другу людей становятся моменты отсутствия в их жизнях каждого из них, моменты разлуки переживаются как моменты счастья и освобождения. Так, Маркс пишет, что при первой же возможности люди бегут от трудовых отношений как от огня.

Триггером к созданию момента может выступать мультисенсорный опыт – звук сообщения, телефонный звонок, случайная встреча, мимолетный взгляд, подарок, почтовая посылка, сужающееся окно времени в календаре перед встречей и т. д.

Согласитесь, что многие из нас проводят свою жизнь в ожидании того самого, пусть и неясно представляемого в нашем сознании момента – какого-либо события или встречи с другим человеком, который полностью перевернет нашу жизнь, придаст ей новый смысл и содержание, сделает более счастливыми, что-то изменит в ней в лучшую сторону, качественно наполнит новым содержанием или смыслом. А если такие моменты в нашей жизни уже были, то мы изо всех сил стараемся их вернуть – повторить прожитый в них опыт в настоящем. Не поэтому ли такое колоссальное значение в нашей жизни имеют медиа – телефон, почта, фотоаппарат?

Конечно, в социологии достаточно теорий, объясняющих ход социальной жизни через повторяемость социальных практик или событий, но они всегда интерпретируются с позиций времени и места, в то время как подход к изучению моментов эти два основных признака социального фрейма (рамки) упраздняет. **Момент – это не количество времени, это выпадение из времени. Его растягивание, сжатие или полное отрицание.** Момент – это не воспроизводство привычной социальной рамки, момент – это разрушение фрейма, выход за его пределы, разрушение «четвертой стены»², нарушающее привычное ролевое деление людей на зрителей и актеров во фрейм-анализе. Маска сброшена, и человек избавляется от социальных условностей, перестает воплощать собой чуждые ему сущности, двойников, навязанных ему общественной капиталистической формацией (самоотчуждение по Э. Фромму). В данном понимании «быть в моменте» не служит аналогией фрейму как тому кирпичику, на котором социальная жизнь устроена как фундаменте. Момент – преходящ, мимолетен, непредсказуем, варьируется в каждом своем новом повторении («вечное возвращение»). **Георгакопулу**

² Четвертая стена – это условная договоренность в театральном представлении, в соответствии с которой невидимая воображаемая стена отделяет актеров от публики. В то время как зрители могут видеть сквозь эту «стену», соглашение предполагает, что актеры действуют так, как будто они не могут.

определяет момент как метафору настоящего [13]. Итак, момент – это символ, знак, означающий настоящее, реальность. Подходящее понимание социального момента в рамках данного социосемиотического исследования труда. Выпадение из рутины принудительного труда – метафора, знак неотчужденного труда³.

Повторяемость моментов говорит нам о том, что изучаемые социальные моменты располагаются в последовательности. По сути, мы имеем дело с социальной секвенцией. Паунд характеризует континуум моментов как состоящий из четырех последовательных и взаимосвязанных шагов: i) «создание момента», определяемое как процессы и процедуры, необходимые для того, чтобы «быть в моменте» имело место. Время, необходимое для этого, может варьироваться от мимолетного до длительного; ii) «быть в моменте», который относится к мультисенсорным процессам, связанным с личным или родственным взаимодействием и воплощенным взаимодействием. Быть в моменте можно поддерживать через творчество и поток; iii) «завершение момента», определяемое как выключение определенного момента. Это может быть вызвано человеком (лицами), вовлеченным сознательно или подсознательно, или отвлечением внимания в окружающей среде или подобными явлениями; и iv) «переживание момента заново», которое относится к возможности того, чтобы опыт(ы), связанный с «пребыванием в моменте», можно было вспомнить и поделиться с другими, каким бы фрагментарным или полным воспоминанием оно ни было [13].

«Быть в моменте», таким образом, – это один из шагов в последовательности моментов, который, во-первых, соединяет человека, находящегося в социальной изоляции/одионочестве/отчуждении, с чувством самости, т. е. возвращает его к самому себе, иными словами, преодолевается такой вид отчуждения как самоотчуждение. Во-вторых, происходит включение человека в окружающее его пространство, место и социальные связи с другими людьми – преодолевается отчуждение от других людей, родовое отчуждение. Если вспомнить, что отчуждение труда Маркс определяет как «выключение рабочего из действительности», то опыт «быть в моменте» противопоставляется в данном исследовании как движение в обратном направлении – моментальное (мимолетное) включение работника в действительность полноценной социальной жизни в труде. Типпер понимает этот социальный опыт так: «...моменты, в основном, связаны с изменением восприятия. Общим для них является ощущение внезапной связи или сопереживания и растворение традиционных границ между вещами... кажется, что они влекут за собой пробуждение к огромности жизни и смерти, к печали и необъятности мира, а также к бесконечной, необъяснимой взаимосвязи между его частями» [14, р. 14–16].

Таким образом, в пространственно-временном континууме социальной вселенной моменты являют собой пример «мелкозернистой текстуры» социальной жизни [11]. Социолог Дженнифер Мейсон предположила, что момент – это специфический временной опыт, не имеющий временных границ [15]. Другими словами, момент так же долог или так же короток, как конкретное событие, которое он пытается представить, и не является точным количеством времени. Как про-

³ Уместно вспомнить отношение Элиота ко времени. Есть время, делящееся на прошлое, настоящее и будущее; и есть не-время.

должает Мейсон, моменты харизматичны не потому, что они представляют собой измеримые доли часового времени, а потому, что они являются «мультисенсорными проблесками, окнами, отверстиями или откровениями» в повседневный мир человека и прожитый опыт [15, р. 193].

Таким образом, в данной первой части статьи представлены теоретико-методологические основания исследования пространства труда и связанного с ним отчуждения, до этого не применявшиеся в социологии, в частности, в российской социологической традиции и практике. В следующей части вниманию читателей будут представлены результаты эмпирического изучения практик преодоления отчуждения труда инженерами российских промышленных предприятий с опорой на семиотическую модель и моментный подход.

Список литературы

1. Современная микропалеонтология / Тр. XV Всерос. микропалеонтологического совещания (12–16 сентября 2012 г., Геленджик). М., 2012. 520 с.
2. **Kristeva J.** Dostoevsky, or The Flood of language. Columbia University Press, 2022.
3. **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002.
4. **Рорти Р.** Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
5. Социология: энциклопедия. Минск: Интерпрессервис, 2003.
6. История Философии: Энциклопедия. Минск, 2002.
7. **Кристева Ю.** Семиотика: исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2013.
8. **Деррида Ж.** О грамматики. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
9. **Лотман Ю. М.** Культура и взрыв. М.: АСТ, 2019. 256 с.
10. **Keady J., Campbell S., Clark A., Dowlen R., Elvish R., Jones L., Williams S.** Re-thinking and re-positioning ‘being in the moment’ within a continuum of moments: Introducing a new conceptual framework for dementia studies // *Ageing & Society*. 2002. Vol. 42 (3). P. 681–702.
11. **Gabb J., & Fink J.** Telling Moments and Everyday Experience: Multiple Methods Research on Couple Relationships and Personal Lives // *Sociology*. 2015. Vol. 49 (5). P. 970–987.
12. **Пушкин А.** Евгений Онегин. М.: Худож. лит., 1984. 256 с.
13. **Georgakopoulou A.** Sharing the moment as small stories. The interplay between practices & affordances in the social media-curation of lives // *Narrative Inquiry*. 2017. Vol. 27, iss. 2. P. 311–333.
14. **Pound P., Britten N., Morgan M., Yardley L., Pope C., Daker-White G., & Tipper B.** Moments of being and ordinary human-animal encounters // *Virginia Woolf Miscellany*. 2013. Vol. 84. P. 14–16.
15. **Mason J.** Affinities: Potent connections in personal life. London: John Wiley & Sons, 2018.

References

1. Modernmicropaleontology.Proceedings of the XV All-Russian micropaleontological meeting (12-16 September 2012, Gelendzhik). Moscow, 2012, 520 p.
2. **Kristeva J.** Dostoevsky, or The Flood of language. Columbia University Press, 2022.
3. **Marcuse G.** Eros and Civilisation. One-Dimensional Man: A Study of the Ideology of Developed Industrial Society. Moscow, AST publ., 2002.
4. **Rorty R.** Randomness, Irony and Solidarity. Moscow, Russian Phenomenological Society, 1996, 282 p.
5. **Sociology: encyclopaedia.** Minsk: Interpresservice; Book House, 2003. (in Russ.)
6. **History of Philosophy: Encyclopaedia.** Minsk, 2002. (in Russ.)
7. **Kristeva Y.** Semiotics: Studies on Semanalysis. Moscow, Academic Project, 2013.
8. **Derrida J.** On Grammatology. Moscow, Ad Marginem, 2000. 512 c.
9. **Lotman Yu. M.** Culture and explosion. Moscow, AST publ., 2019, 256 p (in Russ.)
10. **Keady J., Campbell S., Clark A., Dowlen R., Elvish R., Jones L., Williams S.** Re-thinking and re-positioning 'being in the moment' within a continuum of moments: Introducing a new conceptual framework for dementia studies. *Ageing & Society*, 2022, vol. 42 (3), pp. 681–702.
11. **Gabb, J., & Fink, J.** Telling Moments and Everyday Experience: Multiple Methods Research on Couple Relationships and Personal Lives. *Sociology*, 2015, vol. 49 (5), pp. 970–987.
12. **Pushkin A.** Eugene Onegin. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1984. 256 p. (in Russ.)
13. **Georgakopoulou A.** Sharing the moment as small stories. The interplay between practices & affordances in the social media-curation of lives. *Narrative Inquiry*, 2017, vol. 27, iss. 2, pp. 311–333.
14. **Pound P., Britten N., Morgan M., Yardley L., Pope C., Daker-White G., & Tipper B.** Moments of being and ordinary human-animal encounters. *Virginia Woolf Miscellany*, 2013, vol. 84, pp. 14–16.
15. **Mason, J.** Affinities: Potent connections in personal life. London, John Wiley & Sons, 2018.

Сведения об авторе

Комбаров Вячеслав Юрьевич, кандидат социологических наук, ведущий инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН
 Scopus Author ID: 36682560100
 Researcher ID: U-1415-2017

Information about the Author

Vyacheslav Yu. Kombarov, Candidate of Science (in Sociology), Leading Engineer,
Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences, Novosibirs, Russian Federation
Scopus Author ID: 36682560100
Researcher ID: U-1415-2017

*Статья поступила в редакцию 02.09.2024;
одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 20.11.2024*

*The article was submitted 02.09.2024;
approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 20.11.2024*